

18+

Николай Дуюнов

Смерш

Дети айсаргов

Николай Дуюнов
Смерш. Дети айсаргов

«Издательские решения»

Дуюнов Н.

Смерш. Дети айсзаргов / Н. Дуюнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500198-6

Эта книга написана мной в период работы в Особых отделах КГБ СССР разных округов. События в книге пусть заставят читателей задуматься о том, что подрывная работа спецслужб США, Великобритании, Германии, Франции никогда не ослабевала, даже в период развала Великой Империи — Советского Союза. Мы в те далекие сейчас 70—80-е годы сталкивались с их упорным желанием оторвать от нас Украину, Прибалтику, Молдавию, а сейчас они направляют все усилия на отрыв Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана.

ISBN 978-5-00-500198-6

© Дуюнов Н.
© Издательские решения

Содержание

Без срока давности	6
Перевертыш	19
Исповедь предателя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Смерш Дети айсаргов

Николай Дуюнов

Корректор Наталья Филимонова

© Николай Дуюнов, 2020

ISBN 978-5-0050-0198-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Без срока давности

Я всегда с уважением относился к ветеранам Великой Отечественной войны. Примером служил отец, Дуюнов Аким Васильевич, прошедший всю войну. После тяжелейшего ранения под Кенигсбергом в ноябре 1944 года, вернувшись инвалидом 2 группы, он не сломался, а занялся тренировками, устроился на работу в колхоз в селе Чалдовар Панфиловского района Киргизской ССР, куда попал на реабилитацию. С матерью Марией Михайловной они родили четверых детей, воспитали и дали путевку в жизнь. Правда, одна сестра, Люба, умерла от кори в возрасте двух лет, не было тогда пенициллина... В семье из мальчиков я был старшим, и мне судьба уготовила стезю военного, продолжившего судьбу отца и деда, Дуюнова Василия Андреевича, участника Первой мировой войны, кавалера двух Георгиевских орденов, прадеда моего Дуюнова Андрея Федоровича, служившего в Воронежском казачьем войске и дослужившегося до чина подьесаула.

И вот я в чине старшего лейтенанта, в должности оперуполномоченного Особого отдела КГБ СССР по Спасскому гарнизону, Управления Особых отделов КГБ СССР по Краснознаменному Дальневосточному военному округу, принял в оперативное обслуживание полк связи в городе Спасск-Дальний Приморского края. В городе Спасске помимо Особого отдела КГБ был городской отдел КГБ, руководил которым майор Морозов.

В отделе было четыре опера, секретарь и начальник. Как работали мои коллеги, не берусь судить, они подчинялись Управлению КГБ по Приморскому краю. Начальником был генерал-майор Григорьев.

По положению об органах КГБ мы должны были делиться оперативной информацией обо всех полученных сигналах в отношении проживающих на территории граждан, а они о полученной оперативной информации в отношении военнослужащих гарнизона. Это в теории, а на практике...

Вот об этой самой практике и пойдет речь. В день ЧК, 20 декабря 1974 года, мы встречали его вместе с сотрудниками горотдела и ветеранами КГБ, проживающими на территории города и района. Присутствовал на этой встрече и легенда Приморского КГБ майор Качан Леонид Семенович, в годы войны разоблачивший японскую резидентуру в Приморском крае и награжденный орденом Красная Звезда и знаком Почетный сотрудник КГБ СССР. Он пожелал нам, молодым сотрудникам, быть трудолюбивыми, скурпулезно анализировать получаемую информацию, не допускать необоснованных подозрений в отношении проверяемых и всегда доводить все сигналы до логического конца, чтобы не осудить невиновного и не пропустить врага.

Это запало в душу, наверное, не только мне. Я с восхищением слушал ветерана войны, которого не сломили годы, ему было уже под 80, но энергии было не занимать, и он знал, что говорил.

И по прошествии некоторого времени у нас с Леонидом Семеновичем установились добрые отношения, он приезжал ко мне в полк, смотрел, как я обживаюсь на месте, давал советы и пригласил меня на свою дачу, расположенную в окрестностях Спасска.

И вот в один из дней июля 1975 года я приехал к нему на дачу, у меня был служебный мотоцикл К750, у него «Запорожец», я привез ему канистру бензина. Сели в тенечке беседки, он достал бутылочку медовухи, у него было четыре улика, выпили, закусили чем Бог послал, и потихоньку разговор перешел на рабочие вопросы. Я поделился наработками, не расшифровывая ни источник информации, ни установочных данных проверяемых, в общем, обычная рутинная работа, он дал пару советов, как мне нужно вести проверку, потом мы пошли на речку, посидели у воды, вернулись, еще выпили, и утром я уехал на работу.

И вот однажды в конце июля к нам в отдел приехал Леонид Семенович, он пообщался с другими моими коллегами, а потом с заговорщицким видом зашел ко мне в кабинет и, закрыв

дверь, попросил уделить ему внимание. Я с интересом стал его слушать. Леонид Семенович вначале разговора попросил отнестись к разговору очень серьезно, и если возникнут вопросы, то он попытается все разъяснить.

Начал он с того, что в годы войны ему, оперуполномоченному райотдела, пришлось ознакомиться с ориентировкой СМЕРШа, в которой предписывалось всем органам НКВД обратить внимание при розыске агента Абвера на такую особенность при проверке подозреваемых, как наличие татуировок под мышками в виде римских цифр. Это особенность офицерского состава и сотрудников спецслужб Абвера, в случае ранения это группа крови, которую надо ему переливать. Я слушал его, не понимая, какое это имеет отношение ко мне, мне и в страшном сне не могло присниться, что когда-нибудь мне попадется какой-то агент Абвера, время-то было уже далеко от войны. На этом неожиданности не закончились, Леонид Семенович объявил мне, что сейчас он переходит к главному. По его словам, он давно присматривается к одному гражданину, с которым знаком лет десять и которого случайно увидел раздетым, когда тот косил траву у себя на участке, через один от участка Леонида Семеновича. Он обратил внимание на татуировку под левой рукой в виде римской цифры 4, затертой, правда, но явно видимой на теле. И когда он спросил у него, что это значит, тот, смутившись, ответил, что это шалости детства, оначающие руки дружбы, принятой у их народа. На вопрос, какого народа, последовал ответ – грузинского. Леонид Семенович сделал вид, что удовлетворен ответом, а сам задумался: не может быть таких совпадений, у человека пожилого татуировка на том месте, о котором он читал еще в далеком 1943 году.

Я его спросил, а он говорил об этом кому-нибудь еще? Леонид Семенович сказал, что он рассказывал об этом Морозову, тот послушал его, поулыбался и сказал: «Ты бы лучше отдохнул, чем шпионов на старости лет искать. Все никак не успокоишься, и другим спокойно жить не даешь. Где Абвер и где Приморье?»

Задаю вопрос:

– А почему со мной решил поделиться?

– Потому что ты молодой, хваткий. Вот и покажешь, чему тебя в Новосибирской школе КГБ научили, да и мне будет спокойней, развеешь мои сомнения.

Порешили, что я оформлю это справкой о беседе с гражданином К. и доложу руководству. На следующий день справка лежала на столе у начальника отдела.

Начальником отдела был майор Постовалов, выпускник Высшей школы КГБ им. Ф. Э. Дзержинского, только что назначенный на эту должность и, конечно, жаждавший переловить всех шпионов в округе и копавший землю на три метра как в глубину, так и в ширину. Короче, то, что надо, не в пример Морозову, который сам ждал скорой пенсии. Знал бы он, что она так близко...

Как и предусмотрено нашими правилами, ты получил сигнал, составь план проверки, обозначь числа и даты мероприятий, ответственных за каждый пункт, тех, кто будет тебя контролировать, кого ты привлечешь к проверке и, главное, никому ни слова о полученном сигнале. Это закон оперативной работы, опера меня поймут.

План я составлял несколько дней, надо было предусмотреть все мероприятия по проверке столь необычного сигнала, привлечь все силы и средства КГБ, продумать все ходы, как свои, так и проверяемого, изучить его прошлое, настоящее, окружение, связи и т. д. и т. п. Короче, когда я представил начальнику план мероприятий, а он его должен утвердить, то это был объемный документ, превышающий сам сигнал в десятки раз. Из опыта последующей работы как по этому делу, так и по многим другим, могу сказать-первичный сигнал, получаемый нами от источников информации, это маленькая верхушка айсберга, когда надо вырыть тонны земли, мусора, отместить сотни версий, по ходу проверить десятки, если не сотни людей и событий и выбрать одну, настоящую оперативную версию и раскрутить ее, добравшись

до истины. Как говорят – лопату тебе в руки, разгребай. Примерно так и была написана резолюция начальника с добавкой: «Плохо выполнишь, что напланировал, получишь по полной».

Не знаю, верил ли начальник в то, что это серьезный сигнал, я лично проникся процентов на 25, и единственный, кто верил, был Леонид Семенович. Он почти еженедельно приезжал ко мне, и мы втихаря обсуждали наши действия. Он убеждал меня, что мы на правильном пути, и вселял оптимизм по ходу проверки.

Первое, что нужно было установить, – это личность проверяемого. Сделать это не представляло труда, так как нам было известно его имя и фамилия. Это Курашвили Тигран Симонович, 1911 года рождения, уроженец одного из сел неподалеку от Тбилиси, со средним образованием, грузин, живущий более 30 лет в Приморье, на одной из улиц Спасска, работающий в охране Спасского завода Сантехарматура, по работе характеризующийся положительно, жена – Светлана Федоровна, пенсионерка. Это были видимые всем данные, которые были на слуху. Далее начиналось самое интересное – мне необходимо было проверять его по учетам КГБ по Приморскому краю, наличие компматериалов, по другим учетам и здесь сразу же происходила засветка нашего интереса к этому гражданину, и как следствие – Морозов с вопросом, а чего это Особый отдел интересуется их подопечным. Это парадокс оперативной работы, сигнал на гражданского человека подотчетен горотделу КГБ. Т. е с самого начала интерес засвечен, и Морозов вправе знать, в связи с чем мы им занимаемся. Это охладило наш пыл, и мы стали думать, как обойти эту ловушку.

Не придумав ничего путного, пришлось за помощью обращаться в Особый отдел КГБ СССР по 1 воздушной армии, начальник полковник Белогаев Петр Николаевич, заместитель майор Бошук Аркадий Валентинович. Мы оперативно им подчинялись, и используя их возможности, можно было обойти этот момент, не привлекая внимания Приморского КГБ.

На помощь нам и оценку сигнала Белогаев П. Н. направил своего зама майора Бошука. Бошук А. В. был молод, энергичен, грамотен, кандидат юридических наук, и будучи всего лишь майором, сидел на полковничей должности, что в военной контрразведке было единичным случаем, других прецедентов я не знаю, вот такой специалист приехал помогать мне разобратся, надо ли заниматься этим сигналом, и предложить обходные варианты проверки.

Он внимательно прочитал написанный мною план, проанализировал каждый пункт, детально поговорил со мной и Качаном и сел думать, что делать дальше.

То, что приехал столь большой начальник помогать простому оперу в проверке сигнала, говорило о многом. Во-первых, материал был настолько интересен со стороны оперативной значимости и необычности, непредсказуем со стороны реализации, всякое могло произойти по мере накопления фактов и побочной информации, а могло оказаться простой тратой времени и пустышкой. Во-вторых, у нас в архивах еще пылились тома розыскных дел на бывших наших граждан, изменивших Родине и благополучно скрывшихся от розыска, бандеровцев, «лесных братьев», пособников фашистов и просто моральных уродов, воевавших на стороне Германии, предавших память отцов и дедов, строивших «новую жизнь» порой вопреки своим жизненным понятиям и кровному родству. Я регулярно пересматривал эти книги-ориентировки, где на сотнях страниц на меня смотрели фото предателей, изменников и пособников фашистов, разыскиваемых за столь значительные преступления, что становилось страшно, когда думаешь, что этот гад живет где-то рядом.

Я ходил за этим человеком днями, смотрел, как он одевается, как ведет себя с окружающими, чем интересуется, как говорит, и все больше начинал понимать, что ничего интересного он по жизни не представляет для КГБ, обычный пожилой человек, занятый своими проблемами, как заработать денежку, как прокормить семью, отдохнуть после работы, попить пивка, поболтать на скамейке перед домом, пожуричь подростков за беготню и пыль во время отдыха и, ничем не выделяясь среди соседей, пораньше лечь спать.

Это повседневная рутина, которую проживает каждый человек пенсионного возраста, когда эта рутина уже образ жизни. А вот что этому предшествовало, и предстояло узнать. Для этого я и вся наша контора работали день и ночь, ради одного – этот человек для нас представляет интерес или нет?

Бошук предложил вариант, который не привлечет внимания Приморского УКГБ к интересу к объекту проверки – проверить не его одного, а нескольких фронтовиков в преддверии награждения их медалями за участие в войне, но не через наш отдел, а через Совет ветеранов войны из Хабаровска с целью приглашения их на процедуру награждения в Краевом Совете. Для этого мне вменялось в обязанность составить списки проверяемых, бывших военнослужащих Красной Армии, и представить их ему для отбора и утверждения.

Я засел в военкомате, и через неделю представил список из десяти ветеранов войны, подходивших под требования к награждаемым медалями за участие в войне. Это были заслуженные люди, достойные награждения, в том числе и проверяемый нами Курашвили.

Я подготовил требования по проверке этих лиц в структуру УКГБ по Приморскому краю, Бошук их подписал, и мы спецпочтой отправили их в Хабаровск для отправки во Владивосток. По нашим законам, на проверку отводится десять дней, и мы стали ждать результатов проверки.

Бошук уехал в Хабаровск, а для меня настали будни, заполненные и другими делами – наблюдение за проверяемым, сбор данных об образе жизни, связях, привычках, местах посещения и проведения досуга. В оперативной работе важно все – когда ты знаешь привычки проверяемого, его образ жизни, связи среди окружения. Где он проводит свободное время, его увлечения, что читает, как разговаривает, как оценивает действительность, все важно. И это касается не только жизни проверяемых – с таким же усердием и тщательностью мы изучаем образ жизни наших офицеров, прапорщиков, солдат, членов семьи и взрослых детей. Особое внимание уделялось тем военнослужащим, кто имел доступ к секретным материалам, мобилам, секретчикам, руководящему составу части, членам их семей. Почему женам и детям? Да потому, после службы некоторые секретносители дома несли такую пургу, что можно было сразу его в тюрьму сажать за разглашение секретных данных среди семьи, на службе он один, а дома он командир и начальник, его нужно только слушать и не возражать. Поэтому у нас были осведомители и среди членов семей военнослужащих, и среди их знакомых и друзей, и когда командирам мы говорили о том, что надо того или иного офицера убрать с должности, связанной с сохранением секретов, то, как правило, вопросов не возникало. Потому что дойдя до должности командира полка, он неоднократно уже по опыту работы знал, что опер зря ставить вопрос не будет. То же касалось и переводов отдельных офицеров и прапорщиков подальше от секретов. Хотя, если честно, с прапорщиками было проще: их было малое количество имевших контакты с секретами, да и все они нами были проверены-перепроверены, и сами нам помогали в сохранении военной и гостайны.

Особо хочу коснуться вопроса взаимоотношений с политорганами – это особая статья военнослужащих, не подверженная никаким конъюнктурным соображениям со стороны контрразведчиков. Мы не имели права заводить на них сигналы об их неправильном образе жизни, пьянстве, гульбе с другими женщинами, ссорах в семье и т. д., мы могли только информировать об этом вышестоящие политорганы. Кроме того, начальник политотдела дивизии мог присутствовать на наших партсобраниях, заметьте, не командир дивизии, а начальник политотдела, и знать о наших планах, имеется в виду политических, в оперативные дела мы его не посвящали, мы ежеквартально отчитывались о проведенных партсобраниях, о наложенных и снятых на оперов партийных взысканиях, об избраниях секретарей партийных организаций и многом другом, невидимом для военнослужащих войсковых частей.

То, что мы знали о жизни офицеров, прапорщиков, их семей почти все, помогало быть в курсе всех передвижений и выдвиганий офицеров, мы не давали возможности занимать

высокие должности людям с низкими морально-политическими качествами, и это только помогало командирам и политработникам проводить тот курс, который определял наш Вождь и Генсек.

К чему я это говорю. Уважаемые командиры и политначальники, вы заняты повседневной заботой о солдатах, о боевой выучке, слаженности, это святое, а о том, что мы ежедневно вам в этом помогаем, вы порой и не догадываетесь, кто искоренял дедовщину, кто вас гонял за плохое содержание оружия, за нарушения в караулах, за неисправную боевую технику, за низкий морально-политический дух в ротах, батальонах, полках? Вы вспоминали о нас тогда, когда пропадали боеприпасы, солдаты дезертировали с оружием, пропадали секретные документы, а в повседневной жизни что есть оперуполномоченный Особого отдела КГБ, что его нет, лучше, когда его нет, это вас не тревожило. Но когда ЧП в полку, все, где опер?

Так что жизнь в полку не останавливалась ни на минуту, и мне хватало забот каждодневных, вдобавок приходило новое пополнение, надо было их проверять, приучать к воинской жизни, не давать в обиду старослужащим, проводить беседы о бдительности, короче, делать из них солдат-патриотов Родины.

Прошло несколько дней, информация накапливалась. Я уже знал распорядок дня проверяемого, его привычки, связи, ничего, что могло бы свидетельствовать о его враждебной деятельности, не было. Обычный пенсионер, ведущий спокойный размеренный образ жизни заслуженного человека.

Пришли результаты проверок по учетам УКГБ по Приморскому краю – все положительно, компры нет. Вдобавок я проверил по учетам военкомата Спасска нескольких человек, в том числе и Курашвили. Он оказался участником Великой Отечественной войны, воевал более двух лет на разных фронтах, о чем имелись записи в военном билете и карточке учета, имел два ранения, награды ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медали «За отвагу», юбилейные медали после войны, кучу грамот. Короче. Ветеран, заслуженный по всем статьям, и нет ни одного повода подозревать в принадлежности к Абверу.

Доложили Бошуку. Ответ последовал не сразу. Наверное, тоже анализировали результаты проверки, может, заняты были. Короче, наступил уже следующий год, 1976-й. Пока праздники, зима на дворе, ничего не происходило ни в жизни части, ни в жизни проверяемого, просто шло накопление информации.

Наконец из Хабаровска пришло распоряжение – еще раз внимательно проанализировать материалы и прекратить проверку уважаемого человека, ветеранов надо беречь и создавать условия для достойной жизни и старости. Команда из Особого отдела 1-й воздушной армии, нашего начальства, это приказ, и его надо выполнять. Я поделился этой новостью с Л. С. Качаном. Он воспринял ее с огорчением, как-то все не так, как он думал. «Коля, – сказал он мне, – то, что руководство приняло такое решение, это логично. С точки зрения соблюдения законности и прав граждан команду придется выполнить, но я тебя прошу не сдавать материалы в архив, а провести еще ряд проверочных мероприятий, а именно – послать запрос в КГБ Грузии на предмет проверки Курашвили по их учетам, может, там удастся за что-то зацепиться».

Я к начальнику, надо сделать то-то и то-то, чтобы продолжить проверку сигнала. А мне в ответ – ты что, была же команда прекратить проверку уважаемого человека, и кто позволит тебе не выполнить приказ сверху? У меня опустились руки, не могу ничего сделать, у меня нет права самостоятельно делать запросы без подписи начальника. Это факт, и его не обойти. Но в жизни, как всегда, бывает везение, и оно пришло через полмесяца. Начальник уходил в отпуск, и его замещал один из старших оперуполномоченных отдела, который был не в курсе всех дел по проверке этого сигнала, как я уже говорил, опера не знали, чем занимается каждый работник, и представлялась возможность подписать запрос по проверке через Тбилиси.

Проходит неделя, и начальник уезжает в отпуск на 45 дней, Дальний Восток все-таки, на следующий день я заполняю бланк запроса в КГБ Грузии на конкретного человека, где

прошу дать характеристику данному гражданину, возможное наличие компроматериалов и возможные связи в окружении. Запрос был подписан и благополучно отправлен спецпочтой в Грузию. Нам оставалось только ждать и заниматься текущими делами и наблюдать за проверяемым.

Мы проверили всех его друзей и знакомых, прощупали все их связи, ничего интересного не было получено. Все характеризовались по-разному, были и пьяницы, судимые, но для нас неинтересны.

Текущие дела в полку, проверки при выдвижении, при представлении на звания, все занимало немало времени, но в мозгу всегда была мысль о Курашвили. Кто он, свой или замаскировавшийся враг? Ответа пока не было.

Приходит бумага из Тбилиси. Она меня убила – там был ответ и вопрос мне – с какой целью военная контрразведка из Приморья интересуется гражданином Грузии, заслуженным ветераном войны, орденосцем, дважды раненым, отцом семейства, дедом внуков и т. д. Далее сообщалось, что Курашвили Тигран Симонович ведет большую патриотическую работу в воинских частях гарнизона, школах, является членом Комитета ветеранов войны Грузии.

Прочитав ответ, я выпал в осадок, бумагу не показывал никому, тут же собрался и поехал к Качану. Он аж запрыгал от восторга, не подвела интуиция старого чекиста, и тут же накидал план дальнейших действий.

Нужно, во-первых, получить фото подозреваемого, провести установку по месту жительства – кто жена, ее связи, соседи, установить прослушку, контроль почтовых отправлений и т. д.

Я хорошенько все продумал и сделал следующее – так как приближался День Советской Армии, 23 февраля, через политотдел своей части и военкомат организовать встречу военнослужащих полка и ветеранов войны в доме офицеров гарнизона, куда в числе прочих был приглашен и проверяемый. Встреча была пышной, т. к. это входило и в планы политотдела, встретили ветеранов уважительно, посадили в президиум, фотографировали много и в разных ракурсах, в том числе и мы, затем ветераны пошли по ротам, где делились воспоминаниями о войне, фотографировались с солдатами, потом на доску почета отдельно каждого ветерана фотографировали уже после застолья и подарков.

Этот пункт мы выполнили без затруднений. Сложнее оказалось другое. На наш запрос в УКГБ по Приморью на жену пришел ответ, что это лицо, подотчетное СМЕРШу Дальневосточного военного округа, и ее данные хранятся в Хабаровске. Т. е. его жена была сотрудницей военной контрразведки? Вот это поворот...

Такую информацию уже нельзя было скрывать от руководства Особого отдела КГБ армии, и я на свой страх и риск позвонил по ВЧ полковнику Белогаеву Петру Николаевичу. Он удивился звонку и поинтересовался его причиной. Я сказал, что прошу его приехать для того чтобы я лично доложил о материалах, полученных за последний месяц. Он спросил, а что, материалы не сданы в архив? Я ответил, что нет и готов причину объяснить лично по приезде его к нам в Спасск. Он еще раз переспросил, насколько серьезны полученные данные, что требуется именно его приезд? Я ответил, что очень серьезны, и его приезд будет оправдан.

Ответ был получен через три часа: Белогаев выезжает сегодня в ночь, и завтра утром мне надлежало его встречать на вокзале. Когда я доложил замещающему начальника старшему оперуполномоченному, тот начал заикаться, а потом согласовали все вопросы встречи, размещения начальника, питания и т. д.

Утром, в 6 часов, мы встретили Петра Николаевича на вокзале и поехали сначала в столовую, а потом в отдел. Тянуть время было нельзя, и я, уединившись с Белогаевым, показал все документы по проверяемому и краткий план дальнейшей проверки. Предлагалось следующее – направить фото проверяемого в Тбилиси с просьбой провести опознание проживающим у них Курашвили, возможно имеющиеся материалы переслать нам. Нам же усилить наблюде-

ние за проверяемым, установить его жену, проверить ее по нашим учетам и решить вопрос о привлечении ее к проверке сожителя.

Я доложил Петру Николаевичу, что за время проверки Курашвили от него не было отправлено ни одного письма куда-нибудь и не получено ни одного письма от кого-либо, что не характерно для лиц грузинской национальности, имеющих много родственников и знакомых во многих областях СССР, да и здесь он с грузинами не поддерживает контактов. Это очень странно, заметил Петр Николаевич. Не так ведут себя коренные грузины, это я знаю не понаслышке, шесть лет проработав в Закавказском военном округе в Тбилиси. Здесь что-то не так. Он забрал материалы и попросил его не тревожить часа два.

Через два часа он вызвал меня и положил план дальнейших оперативных мероприятий, которые я должен выполнить быстро, не привлекая внимания горотдела КГБ по Спасску.

Первое, что я должен сделать, это послать фото Курашвили в КГБ Грузии с просьбой сравнить фото нашего Курашвили с оригиналом Курашвили, проживающим у них. Если это разные люди, то показать фото нашего Курашвили оригиналу и попросить его опознать нашего. Здесь была одна загвоздка – возраст проверяемого, т. к. на момент войны они были в два раза моложе, и их Курашвили может и не вспомнить изображенного на фото. Но это один из моментов проверки. Далее мне было рекомендовано опросить наших помощников в окружении на предмет сбора информации через лиц грузинской национальности о проверяемом, не делая акцента именно на нем, кто из них имеет близкий контакт с Курашвили, с целью последующего использования их в проверке сигнала.

Петр Николаевич утвердил план дальнейшей проверки, отменив распоряжение Бошука о сдаче в архив материалов и приказав активировать работу с негласным аппаратом по плотному изучению всех связей проверяемого, его жены и многое еще мероприятий, которые по соображениям конспирации я не могу изложить в этом материале. Он взял под личный контроль проверку сигнала и приказал докладывать все получаемые материалы только ему и потребовал работать аккуратно, чтобы не было утечки данных через других работников отдела, с начальником он все утрясет по его прибытии из отпуска, а здесь, подписав все запросы и забрав их с собой, чтобы отправить их из Хабаровска, уехал домой.

Мы с Качаном воспряли духом, работа продвигалась по нашему плану и могла привести к каким-то результатам, прояснив все наши сомнения.

Прошло более трех недель, закончился отпуск у начальника, и Анатолий Владимирович, прибыв в отдел, был приятно удивлен тем, что я не сидел без дела, а, наоборот, активировал проверку сигнала и с энергией послеотпускной зажал меня так, что я почти ночевал в отделе или около дома проверяемого.

Старший оперуполномоченный Особого отдела КГБ по Спасскому гарнизону капитан Дуюнов Н. А.

и сотрудники Спасского городского отдела КГБ
во время работы по делу Атояна А. О., 1977 год

Мои коллеги, не зная сути дела, только сочувствовали мне, говоря, держись, Коля, и работай больше, может, и будет легче – тебя контролирует Белобаев, перед этим Бошук, в общем, плохи у тебя дела. Мне оставалось только сокрушаться и внутренне собраться, чтобы не было утечки при случайных разговорах с коллегами по отделу и Спасскому горотделу КГБ.

Кроме этого, на мне ведь был еще и полк, куда я должен был являться каждый день, встречаться с информаторами, проверять и другие сигналы по режиму секретности, несению караулов, хранению оружия и боеприпасов, о неуставных отношениях, проводить беседы о бдительности в батальонах, проверять мобгруппу, секретную часть, давать допуски к секретным работам и т. д.

Короче, время летело, дома меня не видели, т. к. одна из особенностей оперативной работы – это то, что с негласным аппаратом, находящимся у меня на связи, я мог встречаться только после окончания рабочего дня, когда офицеры, прапорщики, члены их семей освобождались только по вечерам и могли прийти на встречи только тогда, когда были запланированы заранее и в вечернее время. Так что покой нам только снится.

От этих перегрузок я стал даже хуже выглядеть, измотанный, невысыпающийся, теща сделала мне замечание, когда я заехал их навестить, все военные цветущие, а ты такой усталый, может, заболел?

Нет, не заболел, но физически вымотался так, что, когда пришел ответ из Грузии, я не сразу оценил суть ответа, по инерции планируя последующие рабочие дни с такой же нагрузкой, как и предыдущая.

Ответ из Грузии поверг в шок как меня, так и начальника, реакцию Белобаева не берусь комментировать, не видел, но догадываюсь, что она была положительной.

КГБ Грузии очень ответственно отнеслось к запросу, подписанному полковником Белогаевым, видно, еще помнили его по совместной работе, и детально ответило на все поставленные нами вопросы.

Во-первых, они сообщили, что еще раз досконально проверили всю жизнь своего Курашвили, от молодости до настоящего времени. Выяснили, что он до армии работал в винодельческом колхозе, где его помнили многие коллеги, ушел на фронт в 1942 году, будучи женатым и имея сына и дочь, которые сейчас живут рядом с отцом, жена жива и заботится о нем, т. к. в годы войны он был дважды тяжело ранен и ходит, опираясь на трость. Вернувшись с войны, долго работал в колхозе, закончил технологический техникум, по достижении 60 лет его проводили на пенсию с почестями. За период после окончания войны был награжден орденами Отечественной войны 2-й и 1-й степени, медалью «За боевые заслуги», в общем, заслуженный человек. В его биографии есть эпизод, когда он попал в плен, подвергся там пыткам и унижениям, был расстрелян, но чудом выжил, бежал в Польшу из концлагеря, скрывался в лесах, перешел в Белоруссию, попал к партизанам, где воевал до конца войны. Прошел проверку в фильтрационном лагере НКВД и вернулся домой оправданным.

Ему была показана фотография нашего Курашвили. Он чуть не потерял сознание от удивленного, его откачали и официально допросили. Копию протокола прислали нам. Читать его без содрогания было нельзя, все было настолько трагично и жестоко, что мне пришлось вдумываться в каждое предложение, чтобы понять суть происшедшего много лет назад и оценить страдания этого человека.

На фото он с трудом, но узнал одного из офицеров СС, допрашивавшего его после пленения. В плен он попал в 1943 году, в феврале, в боях под Вязьмой, где он, рядовой Курашвили попал в котел и, отстреливаясь до последнего патрона, был ранен в ногу, потерял сознание и был пленен немцами. Его отправили в Польшу в лагерь для военнопленных, подлечили и стали использовать на строительстве дорог. Одновременно его допрашивали офицеры СС и вербовали с целью перехода на сторону врага, но он согласия не дал. Его допрашивал офицер, фамилии он не помнит, по национальности армянин, хорошо знавший русский язык, грузинский, бегло говоривший и на немецком, в чине оберлейтенанта. Он досконально опрашивал Курашвили по делам в части, выявлял фамилии офицеров полка, политработников, евреев, внимательно слушал его автобиографию, где родственники, родители и дети. Эти данные ему нужны были для вербовки Курашвили, документы были изъяты при пленении и по ним велся допрос. После того как Курашвили не стал сотрудничать с Абвером, его передали в Гестапо, там его били, допрашивали и потом за ненадобностью снова вернули в лагерь. Там подлечили и переправили в лагерь в Германию, используя на тяжелых работах. Жажда жизни была очень сильна, она помогала ему вынести все испытания, которые выпали на его долю, и бежать из лагеря в Польшу уже в 1944 году, прятаться на хуторах, наняться к одному пану на работу за кусок хлеба и потом попасть к партизанам уже в Белоруссии, где прошел путь от простого бойца до командира взвода обеспечения. С переходом партизан уже на территорию Польши он нашел своего спасителя и практически спас его от расстрела уже нашими бойцами. В боях был ранен, перебита нога, отправлен в медсанбат одной из наступающих частей, откуда был комиссован и отправлен на родину в Грузию. Там вновь был арестован, отправлен в фильтрационный лагерь, прошел проверку и через полгода отправлен домой. После войны у него родились еще две дочери, он счастливый дед.

Прочитав все это, я долго сидел в горестном раздумье – с кем мы имеем дело? Если это правда и человек пережил плен, лагеря, воевал, был ранен, прошел проверки и остался человеком с большой буквы, то кто же тот, который выдает себя за Героя войны и откуда у него документы, по которым он живет?

Все материалы, полученные из Грузии, я по ВЧ доложил Петру Николаевичу, он дал команду переслать их им в Отдел, а мне срочно прибыть в Хабаровск для консультации и разработки плана дальнейшей проверки.

Через секретную часть отдела материалы были направлены в Особый отдел армии, а я через два дня прибыл в Хабаровск на Большой аэродром, где располагался штаб и Особый отдел 1-й воздушной армии.

Здесь в обстановке строгой конспирации нами с Белогаевым, Бошуком и направленцем армии, курирующим наш отдел, в течение трех суток был составлен уже конкретный план по реализации данного сигнала, предусматривающий мою командировку в Грузию, Армению и привлечение уже возможностей оперативно-технической службы Управления Особых отделов по КДВО, округа, где материалы были доложены начальнику Управления и копии пошли в Москву в-й Главк Военной контрразведки. Там план утвердили, и после получения официального заключения мне была поставлена задача по работе в двух республиканских КГБ с документацией всех действий.

Я вернулся в Спасск, получил все командировочные документы и через Москву вылетел сначала в Тбилиси. Не буду описывать все приключения по дороге в Грузию, скажу только, что меня встречал замначальника 2-го отдела КГБ Грузии, целый полковник, и встреча была настолько теплой, что к работе удалось приступить только через два дня. Они были настроены доброжелательно к посланцу Дальнего Востока, сначала я полдня рассказывал им о жизни в Приморье, о своей службе на Курилах, о том, как мы ели ложками красную икру и закусывали морской капустой. И все это под прекрасное грузинское вино. Устроили в прекрасный номер, показали цветущий Тбилиси, песню я выучил через два часа, как ее спели раз 20 сотрудники с хорошими голосами, отоспавшись, поужинали, потом позавтракали и только потом наконец вспомнили о цели моего приезда.

Надо отдать им должное, ребята подготовились к ответу на любые мои вопросы, чувствовалось, что подготовились. И мы в течение двух суток провели встречу с Курашвили, все задокументировали. Курашвили оказался худеньким, небольшого роста человеком, с хорошей памятью, и хорошо поставленной дикцией, гостепреимным хозяином со множеством детей и внуков, которые просто так меня не отпускали, пока я не перепробовал их подвальное вино, получив в подарок еще коробку, с сырами и фруктами.

Он рассказал свою одиссею в годы войны, которую я уже знал по документам, но рассказал и кое-что, что имело значение уже при проверке того человека. Он описал рост, внешность того офицера СС, который допрашивал его после пленения, вспомнил тех, с кем находился в лагере, с некоторыми из них он имеет контакты до сих пор. Представил мне их фамилии и адреса, показал письма, копии которых мы потом сняли, на фото, предъявленном мною, он опознал мучителя, но, естественно, постаревшего. Тогда ему было 34—35 лет, полный, цветущий, с золотыми зубами, хорошо говоривший на грузинском языке и очевидно знавший армянский язык, т. к. он допрашивал и армян, сослуживцев Курашвили, и хорошо ориентировался в географии Армении. Он заявил, что в руках допрашивавшего его офицера были документы Курашвили, которые были у него на момент пленения, и они у него же и остались. Курашвили после войны, после всех проверок документы были восстановлены, и он по ним живет много лет.

Проанализировав всю полученную информацию, я по ВЧ доложил Белогаеву, получил добро на продолжение командировки в Армению.

Провожали меня ребята из КГБ Грузии, как брата, было столько тостов и пожеланий добра, что будучи уже в Армении, я еще долго отходил от их гостеприимства. Но меня ожидала не менее теплая встреча со стороны коллег из Армянского КГБ, которые также удивились приезду с края земли их коллеги и сделали все, чтобы мое пребывание в Ереване надолго запомнилось.

Не раскрывая сути моей командировки в Тбилиси, я предъявил фото разыскиваемого Курашвили и попросил проверить по учетам КГБ Армении на предмет возможных материалов на армян, плененных в годы войны или дезертировавших с фронта в период с 1941 по 1943 годы.

В проверку было включено большое количество сотрудников, перевернуто много архивных дел, а надо сказать, что среди армян было немало тех, кто либо попал в плен после ранения, либо добровольно перешел на сторону врага. К чести этого народа надо сказать и другое, из 29 Героев Советского Союза, проживающих на территории Азербайджана, 28 армяне, не говоря о том, что и в Армении не один десяток Героев. Многие – посмертно.

Работа длилась десять дней, гора документов была просмотрена и отложена, мне предстояло лично осмотреть каждое розыскное дело и сравнить фото разыскиваемых с фото нашего проверяемого. Я уже начал разочаровываться в результатах своей командировки, когда одна из сотрудниц архива принесла несколько розыскных дел на сотрудников Абвера из числа армян. В одном из дел меня привлекла информация об участии одного из армян, офицера Абвера, который во Франции был в составе 1-го Нимского лжепартизанского отряда, на должности начальника штаба отряда. По описанию он подходил под приметы нашего Курашвили и по возрасту, и по внешним данным, и по тому, что он был офицером Абвера родом из Армении. Фото в деле не было, но было описание примет, которые совпадали почти на 100 процентов с нашим проверяемым. Это был успех, на него было четыре тома розыскного дела. С описанием всех его преступлений, с протоколами допросов выживших, с донесениями партизан Маки из Франции о боестолкновениях с этим лжепартизанским отрядом, допросов попавших в плен их бойцов, которые показывали на нашего подозреваемого и описывали его роль в уничтожении партизан, сражавшихся за независимость Франции. После анализа всех материалов розыскных дел принимается решение о пересылке их в Хабаровск с целью их реализации на месте. Нас принял председатель КГБ Армении, который оценил нашу работу и пожелал успеха при реализации.

Перелет из Еревана в Москву и из Москвы в Хабаровск не буду описывать, т. к. меня замучила процедура перетаскивания коробок с подарками из Грузии и Армении для коллег-дальневосточников, пересадки с самолета в самолет и, наконец, десять часов сна в самолете из Домодедово в аэропорт Хабаровска, где меня встретил дежурный по отделу, и мы благополучно добрались до Большого аэродрома.

Прилетел я около 21 часа, и поэтому, спокойно приняв душ в номере, впервые за несколько недель мог расслабиться и подумать над теми новостями, которые навалились в ходе командировки. Мучил вопрос – тот ли это человек, которого мы проверяем, и разыскиваемый по делам Армении. Времени-то прошло много, изменился и Курашвили, и разыскиваемый как внешне, так и внутренне, ведь за период наблюдения он ничем себя не проявил, что дало бы нам хоть малейшую зацепку его подозревать. Презумпция невинности перевешивала все хлипкие наши доводы. Доказывать, что это он, разыскиваемый, предстояло нам, а это ох какая непростая задача через 40 лет.

Утром в 9 часов я уже докладывал Петру Николаевичу и Бошуку результаты командировки. Передал им подарки коллег из Грузии, персонально Петру Николаевичу – записку его коллеги по службе, остальное пошло к чаю в отделе.

Выслушав доклад, материалы еще не пришли, Петр Николаевич дал мне два дня на составление справки, в которой следовало подробно изложить все мои действия и полученную информацию.

С заданием я справился, т. к. свежи были в памяти все нюансы бесед с Курашвили, его окружением, с работниками архива и многое другое, чего нельзя описывать в печати.

За период командировки я пропустил начало сессии во Всесоюзном юридическом заочном институте в Москве, студентом второго курса которого я являлся, филиал был в Хабаров-

ске, я ходил в институт, принес справку о том, что болел все это время, и был допущен к сдаче зачетов и экзаменов по особому графику. За несколько дней я все предметы сдал, закрыл долги по зачетам и получил задания на следующий семестр.

В один из дней пришли материалы из Еревана, и руководство углубилось в их изучение, меня изредка вызывали, чтобы уточнить кое-что по справке, составленной мною, а я внимательно изучал жизнь подозреваемого по тем материалам, которые отписывались мне и на которых ставились вопросы, ответы на которые предстояло мне же и давать. Так устроена оперативно-розыскная работа в КГБ, что главный исполнитель, землекоп доказательств – оперработник, и его же дрючат за все промахи в сборе доказательств.

Хочу особенно остановиться на правовом статусе оперуполномоченного КГБ. Участок работы мне определен согласно штатному расписанию, т. е. за мной закреплен тот или иной полк, батальон, где помимо контрольных функций за повседневной боевой подготовкой, сохранностью секретов и оружия, вменено изучение личного состава полка, его морально-политического состояния, уязвимости складов и вооружения в диверсионном плане, стоит задача и выявления интереса к воинской части со стороны окружения, т. е. гражданских лиц, ибо в их среду могут внедряться агенты иностранных спецслужб с задачей установления контактов с секретносителями, их семьями и сбора разведанных о состоянии боевой готовности, о мобилизационных планах, о типах вооружения, складах хранения и т. д.

Оперуполномоченный в полку – это особая фигура, загадочная и непредсказуемая, непонятная офицерам полка, т. к. никто толком не знает, чем он занимается, командованию не подчиняется, строевой подготовкой не занимается, на разводах полка не присутствует, зато имеет отдельный кабинет, мотоцикл, средства связи и может вызвать любого командира для беседы о состоянии дел в подразделении.

Все это покрыто некоей романтикой, и если опер хорошо подготовленный, имеет широкую, разветвленную сеть негласных помощников, то он первым узнает обо всех происшествиях в полку, о всех недостатках боевой и политической подготовки, неуставных отношениях среди личного состава и обязан тут же информировать командира и политорган обо всех недостатках, которые мешают нормальному функционированию воинской части.

Но основная задача опера – изучение окружения, поиск агентуры противника, возможно осевшей вблизи воинской части, и главное – изучение связей секретносителей, к которым и проявляет интерес посланник вражеской спецслужбы.

Поэтому я никогда не был на построениях полка по утрам, но зато я всегда был в части по вечерам, когда офицеры разъезжались по домам и я мог спокойно побеседовать со своими информаторами, провести беседы о бдительности в ротах, батальонах, поставить конкретные задачи своим помощникам на неделю, месяц, отработать способы срочной связи с ними в случае ЧП и т. д.

Многие командиры удивлялись моему режиму работы, я мог играть в волейбол, в теннис в спортзале, на площадках вместе с солдатами, офицерами, сидеть в лазарете, беседуя с больными, и никак не могли взять в толк, чем я на самом деле занимаюсь. Оперативной работой, ребята, о которой вы и не догадываетесь.

Те из командиров, которые прошли школу Особого отдела на стадии командиров взводов, рот и батальонов, и которые дружили с опером, всегда первыми узнавали о беспорядках в своих подразделениях, и я никогда их не подставлял перед командирами, помогал устранять выявленные недостатки в подразделениях, защищал на собраниях и при подведении итогов у командира. Так что поддержка и понимание среди офицеров, прапорщиков была сильная, что гарантировало своевременное получение всего массива информации о жизни в полку.

Сложнее было организовать работу в окружении, нужно было найти именно таких людей, которые и жили неподалеку от частей, и имели аналитические способности и возможность заинтересовать собой возможного агента спецслужб.

Опыт приходит с годами, результаты оперативной работы тому подтверждение. За годы непосредственной оперативной, живой работы мне пришлось вести проверку и разработку антисоветских групп, разоблачить агентов-инициативников из числа военнослужащих Советской Армии, пресечь попытку угона секретного вертолета МИ-24 в Китай, одним из техников аэродрома, поймать не одного дезертира с оружием, разыскать утерянные секретные документы и т. д.

Особенно продуктивной была оперативно-розыскная работа в Республике Афганистан, где пришлось вести работу против агентуры не только противников Кармаля и Наджибуллы, но и агентуры США, Пакистана, Франции, Израиля. Но это отдельная история.

А пока речь о проверке сигнала на изменника Родины, который к тому, возможно, и был карателем и ушел от справедливого возмездия и спокойно доживал свой век там, где, как ему казалось, его искать не будут.

Мне предписывалось вернуться в Спасск, активизировать проверку сигнала, довести его до логического завершения, т. е. ответить – одно ли лицо тот, кого мы проверяем, и проходящий по розыскному делу, и если это так, то принять уже процессуальное решение – оправдать или арестовать.

Перевертыш

Вяземская катастрофа, когда в окружение попало 4 армии, 37 дивизий, 9 танковых полков, 31 артиллерийский полк РКК, до сих пор не исследована до конца историками и поисковиками. Наши солдаты отчаянно сопротивлялись и сдерживали на Вяземском направлении крупные силы немцев, но принимая на себя удары, направленные на Москву. Ставка отдала приказ на отход, но он в войска поступил тогда, когда окружение группировки наших войск. Немцами уже было завершено. Никаких сил для деблокады не было, не хватало боеприпасов, ГСМ, отсутствовала авиационная поддержка. Под Вязьмой полегло столько солдат, офицеров, генералов, что наши полководцы, которые потом стали знамениты и орденосцы, немислимых наград, старались в своих мемуарах не вспоминать октябрь 1941 года, нечем им было гордиться в тот момент. А людей, погибших в котлах, просто списали на боевые потери и стерли из памяти, как будто этого вовсе и не было. Но память вернула меня и моих коллег в то непростое время.

Из служебной записки оперуполномоченного особого отдела НКВД лейтенанта госбезопасности Лелюшенко Н. К., 1286 стрелковый полк, 91 стрелковой дивизии, находился на острие наступления немцев, вел боевые действия на Богородицком направлении.

«Немцы нас окружили и ружейно-пулеметным огнем выбивали наших бойцов. Была дана команда минометной роты старшего лейтенанта Атояна Ашота Оганезовича сосредоточить огонь по высотам и колокольне храма, откуда стрелял пулеметчик. Рота рассредоточилась по позициям и стала вести обстрел позиций немцев. Стрелковые роты пошли в атаку и вышли на Богородицкое поле. Оно было усеяно трупами наших солдат, лошадьми, ранеными. Задача была вырваться из окружения, и только к вечеру батальоны вышли к деревне Пекарево.

Сопротивление продолжалось с 7 по 13 октября 1941 года. Противник силами 4-й и 9-й армии немцев уничтожил четыре советские армии в составе 40 стрелковых и 10 танковых дивизий, в плен попали свыше 500000 человек.

Но из полученных нами данных установлено, что в составе сражавшихся были и предатели, добровольно перешедшие на сторону врага. Из бесед с бойцами стало достоверно известно, что командир минометной роты старший лейтенант Атоян А. О. 1910 года рождения, уроженец города Карс, Турция, армянин, со среднетехническим образованием, призванный в ряды РККА в 1932 году, добровольно перешел на сторону врага, приказав прекратить огонь роты и бежать в сторону Богородицка, а сам, сорвав знаки отличия, пополз в сторону наступающих. В суматохе бойцы не сумели правильно оценить действия командира. А когда поняли, что к чему, он уже был пленен немцами. На основании вышеизложенного – считаю Атояна А. О. изменником Родины и постановляю завести на него розыскное дело, передав материалы, собранные мною, в Следственное Управление НКВД СССР для организации розыска».

Такой вот документ, был первым из многочисленных справок по опросам бойцов минометной роты, оставшихся в живых в той бойне, по горячим следам. Надо отдать должное особисту, который несмотря на жуткую неразбериху, огромные потери в личном составе сумел зафиксировать факт измены конкретного офицера, в конкретном месте и в конкретное время. Честь ему и хвала, он сам погиб под Москвой в январе 1942 года.

Это вот такая краткая версия поступка человека, который сломался в критический момент, когда решалась судьба Родины.

Но это только первые документы, положившие начало розыску изменника Родины. Далее следовали тома документов о том, что это был за человек до войны, как он попал в армию, как характеризовался во время службы, его семейное положение, родители и родственники, дети, в общем, картина разворачивалась от его молодости до момента совершения преступления.

Родился Атоян Ашот Оганезович в 1910 году в городе Карсе, тогда Турция, позже, в 1916 году, когда начался геноцид армян, бежали в Армению, где Ашот окончил школу, торговый техникум, был призван в Армию, остался на службе. Закончил военные курсы командиров и поскольку тяготел к математике, проходил службу в артиллерии, а после изобретения минометов, командовал отделением, взводом и к началу войны уже имел звание старшего лейтенанта, занимая должность командира минометной роты. По службе характеризовался в основном положительно, веселый, находчивый, легко входивший в доверие к сослуживцам и как истинный армянин, все время проворачивающий какие-нибудь дела по покупке-продаже всего, что было под руками – продукты, вещевое имущество, различные тряпки, спиртное. Было на него и несколько компрометирующих моментов, заключавшихся в том, что он выражал недовольство тем, что в СССР зажимают, его точки зрения, стремление к обогащению, не дают развернуться предприимчивым людям, и что такая власть не отражает чаяния народа.

За эти высказывания его проработали политработники, понизили в должности и не продвигали по службе, чем он постоянно возмущался.

Атоян А. О. был женат, имел 2 дочерей, жил в пригороде Еревана, а после призыва в Армию, семья вначале жила в гарнизоне, а потом, когда его перевели Калининскую область, вернулась в Армению.

Служил, среди подчиненных пользовался своеобразным авторитетом все могущего достать человека, физически развит хорошо. При росте в 186 см поднимал штангу, боксировал, но был один недостаток – страдал ожирением и принимал лекарства от диабета. Т. е. был диабетиком, а это, как известно, неизлечимо.

С началом войны, как все патриоты, не стеснялся клеймить фашистов, призывал повышать боевую выучку и слаженность, рвался на фронт, а когда фронт подошел и к его гарнизону, вместе с бойцами вступил в бой. Далее события разворачиваются не в пользу Красной Армии, и тут Атоян сник, осунулся, от него не стало слышно лозунгов и призывов, он стал уединяться, что-то писал в тетрадке, и вскоре в одном из жестоких боев пропал из части. Думали что погиб, потом пропал без вести и только тогда, когда вышли из окружения, выяснилось, что он дезертировал и перешел к немцам.

Особый отдел НКВД тщательно проверял каждого вышедшего из окружения, опрашивал перекрестно о тех, кто был рядом, как он вел себя в бою, что говорил, не был ли паникером и т. д. Проверка подтвердила факт перехода Атояна добровольно на сторону врага и было заведено розыскное дело.

Я и сотрудники Спасского горотдела КГБ во время работы по делу Атояна А. О., 1977 год

Материалы проверки были переданы по принадлежности в розыскное бюро НКВД и розыском стали заниматься специальные сотрудники, которые проверяли его по месту учебы, службы, проверили всех родственников, знакомых и соседей, сослуживцев. Все это подробно изложено в многочисленных справках и проколах.

Я был поражен скрупулезностью тогдашних сотрудников НКВД, не имевших на тот момент наверняка такой подготовки, как у нас, но, тем не менее, умевших докопаться до таких мелочей жизни проверяемого, что его биография была как на ладони – что делал, как жил, с кем дружил, привычки и наклонности, сильные и слабые стороны характера. В общем, молодцы розыскники, нам бы их прилежность и старание. Есть чему поучиться у старшего поколения. Поэтому и победили врага, что детально знали его хитрости и уловки, при заброске агентуры в наши тылы и использование перебежчиков в своих планах.

К чести наших людей, попавших в плен ранеными, окруженными превосходящими силами врага следует отнести и то, что попав в плен, не все стали предателями, не сломались, вели себя достойно, как могли изматывали врага, поддерживали слабых духом и выжили в той мясорубке, когда сотнями тысяч умирали в лагерях, не предав Родину.

Была и другая категория наших бойцов, которая не пала духом, будучи плененными, а искала любой выход. Чтобы освободиться из плена, делала вид, что поддерживает немцев, изъявляла желание помочь им в борьбе с Советской властью, направлялась в спецшколы для диверсантов, агентов для заброски на территорию СССР для проведения разведывательной работы о частях и гарнизонах, для сбора морально-политической информации о состоянии боевого духа красноармейцев, все для того, чтобы, оказавшись на нашей территории, сразу сдать и продолжить борьбу с фашистами уже в новом качестве, работая на нашу контрразведку. Не сразу, конечно, но большинство из поступивших так становились ценными игроками в борьбе с Абвером, сообщали о других, забрасываемых в наши тылы агентах, которые перешли на сторону врага по идейным соображениям и ненавидели Советскую власть еще до прихода немцев, и приносивших ценную информацию о школах Абвера, об их инструкторах, о методике подготовки агентов, о забрасываемых районах СССР, и помогавших нашим контрразведчикам внедряться в их разведорганы.

Здесь следует сказать, что наши розыскники после окончания войны скрупулезно проанализировали все материалы на изменников Родины и составили алфавитные списки разыскиваемых, которыми пользовались уже мы, подробные, в которых вкратце описывались конкретные обстоятельства измены каждого разыскиваемого, с указанием места и времени перехода на сторону врага. Был в этом списке и разыскиваемый нами Атоян Ашот Оганезович.

Прочитав внимательно материалы розыскного дела на Атояна, я реально стал понимать глубину падения человека, добровольно перешедшего на сторону врага, выжившего в горниле войны и, возможно, спрятавшегося от возмездия на Дальнем Востоке, будучи уверенным, что его здесь никто искать не будет, и спокойно дожить в старости в этом забытом богом месте.

И вот теперь передо мной и органами военной контрразведки стояла задача распутать весь клубок его жизни и, потянув ниточку день за днем, просветить жизнь длиною в 38 лет, ответив на множество вопросов – чем он занимался в годы войны, как избежал пленения, каким образом ухитрился жить столько лет по чужим документам, не занимался ли подрывной деятельностью все эти годы, т. е. не продолжал ли работать на какую-нибудь разведку, и собрав доказательства его нелегальной жизни, привлечь к уголовной ответственности за измену Родине, а если еще и удастся выяснить, чем он прославился служа немцам, то уже и по совокупности преступлений назначить справедливое наказание.

Вот такая непростая задача стояла передо мной и решать ее надо было, конечно, не в одиночку, а используя уже всю мощь и возможности КГБ СССР, т. к. после изучения всех материалов дела, нами была подготовлена справка по подозреваемому и направлена в 3 Главное Управление КГБ СССР, т. е. в Военную контрразведку, наш координирующий орган, правопреемницу легендарного СМЕРШа, откуда утвержденный план проверки был дополнен и рядом мероприятий с использованием уже возможностей Главка, что очень меня обрадовало, т. к. давало возможность привлечь Службу наружного наблюдения, Оперативно-технического управления, и многое другое.

В первую очередь мне предстояло внимательно изучить все данные его жены, с которой проживал Атоян, что это за человек, кем она была до знакомства с ним, как познакомились, не является ли она сообщницей Атояна в подрывной деятельности, знает ли что-нибудь о его прошлой жизни, и изучить возможность привлечения ее к проверке подозреваемого.

Это была первая задача, которую предстояло решать, далее необходимо было установить за ним круглосуточное наблюдение, оборудовать квартиру техническими средствами контроля и провести ряд мероприятий по установлению уже его личности.

Первое, что необходимо было выяснить, то ли это лицо, которое значится в розыскном деле, сфотографировать его, осмотреть его визуально на предмет обнаружения наколки, выяснить не является ли он диабетиком, провести сравнительную экспертизу его фото в 33 года и сейчас, благо его личное дело офицера было приобщено к розыскному делу, провести графологическую экспертизу почерка, у нас был образец его почерка, когда он писал рапорты, автобиографию, еще служа в Красной Армии, и многое другое, чтобы на 100% быть уверенным в том, что это одно и то же лицо.

Собирая данные на его жену, негласно опрашивая соседей, проводя проверку по учетам КГБ, я помнил, что она ранее работала на спецслужбу, и поэтому один из запросов был направлен на установление ее личности, по учетам сотрудников, находящихся в запасе. Ответ пришел через две недели, и мне прислали дело на бывшую шифровальщицу Особого отдела КГБ по Тихоокеанскому флоту, младшего лейтенанта Госбезопасности, отслужившего и ушедшего на пенсию по выслуге лет. Характеристики, собранные мною уже по работе на гражданке, ничего отрицательного не дали – везде ее характеризовали как добрую, отзывчивую женщину, добросовестного работника, преданного патриота Родины, члена КПСС, в общем, наш товарищ.

Белогаев П. Н. дал мне санкцию на установление с ней доверительных отношений и постепенно, с учетом ее реакции на ту информацию, которую мне было поручено довести до нее, будет принято решение о ее вовлечении в проверку ее сожителя.

Я осторожно, не расшифровывая нашего интереса к Атояну, поговорил с ней в помещении военкомата, под предлогом организации встречи ветеранов военной контрразведки с молодыми сотрудниками Особых отделов КГБ, и по итогам встречи справкой доложил Белогаеву все нюансы беседы.

Была дана команда довериться ей и ввести ее в проверку сожителя. Она с удивлением услышала от меня информацию о ее сожителе, несколько раз переспросив, насколько это соответствует правде? Я ответил, что именно поэтому мы обращаемся к ней, чтобы не допустить ошибку при оценке материалов проверки. Она дала согласие, я оформил подписку о неразглашении сведений, составляющих гостайну и сказал, что она сама была допущена к таким сведениям, что сомнений у нас насчет ее преданности не было ни минуты. Она заверила, что сделает все от нее зависящее, и просит доложить руководству Особого Отдела, что у нее были кое-какие сомнения в личности Атояна, о которых она доложит письменно. Я предупредил ее о том, чтобы она сделала это незаметно для Атояна, на что она ответила, что еще не забыла требования конспирации. Мы расстались, договорившись о следующей встрече.

Через два дня я получил от нее сообщение, в котором она подробно рассказала о своей встрече с Атояном, о развитии их отношений, о совместной жизни в течение 12 лет.

Атоян, в Спасск приехал 18 лет назад, в 1959 году, из Забайкалья, города Ангарска, где работал в бухгалтерии стекольного завода, семья его якобы погибла в годы войны, в Калининской области. Он не женился и просто сожительствовал с несколькими женщинами, детей не завел и, по его словам, очень об этом жалел. Воевал, имеет награды, показывал орденские книжки на ордена Славы 3-й степени и Отечественной войны 2-й степени, медаль «За Отвагу». После войны он прошел проверку в органах, стоит на учете в военкомате. Он диабетик, регулярно принимает антибиотики. Под мышкой левой руки она видела татуировку, он пояснил, что это еще в детстве они ее делали в знак дружбы, две руки, он потом выводил ее, но не получилось. Переписки он ни с кем не заводил, друзей особых у него нет, даже среди грузин, которые живут в Спасске. Ее это удивляло вначале, но он объяснил, что они все меркантильные и думают только о деньгах, а он не такой, он трудяга, пахарь.

В ее сообщении было много интересного, значит, он жил в Забайкалье, там остались его связи, которые помогут осветить интересующий нас период, возможно удастся установить откуда он прибыл в Забайкалье, и, главное, он так же, как и проверяемый, – диабетик. Значит, он стоит на учете в больнице, есть медицинская карта, там записи предыдущих поликлиник, где он стоял на учете, и по ним можно восстановить его передвижения по СССР.

Я составил план проверки Атояна с учетом полученных сведений от его жены и, получив добро, приступил к сбору дополнительной информации, уже имеющей доказательное значение.

Исповедь предателя

Ну вот и случилось. Я в плену. Идет второй день, как я у немцев. наших размолотили в пух и прах. Сколько осталось в живых не знаю, но со мной из моей батареи только осталось четверо, да и те раненые. Лежим в каком-то бараке, холодно и голодно, побитые. Били и меня, все спрашивали, не еврей ли я, не коммунист? Спрашивал немец, плохо говорящий по-русски, били после каждого вопроса и ответа, со вкусом и сильно, болят почки и спина, лицо все в синяках. Но, главное, жив. Как я хотел перебежать к ним, знали бы особисты, давно бы расстреляли. Но хватило ума не делиться ни с кем, даже земляки не знали. В бою я старался не высовываться из блиндажа, командовал по телефону и через вестового, но бой был короткий и через несколько часов от нас остались два миномета и несколько мин, все расчеты полегли. Я ждал, когда стрельба стихнет и немцы пойдут в атаку, вот тут не сплеховать, вовремя выскочить и сдаться. Я уничтожил партбилет, офицерскую книжку, и стал ждать. Через несколько минут они пошли. Не встречая сопротивления, немцы подошли к моему КП, я поднял руки и вышел. Меня ударили, повалили на землю, поставили на колени, приставили автомат к спине и стали задавать вопросы – кто я, еврей, коммунист, хочу ли жить? Я отвечал, что я армянин, не коммунист, хочу служить великой Германии. Бить меня перестали, отвели в сторону и, собрав остальных бойцов, повели в тыл, в занятую ими деревню. Там завели в сарай, зарыли и сказали сидеть смиренно, иначе расстрел.

Часа через два открыли дверь и нас по одному стали заводить в избу, где сидели два офицера, один говорил по-русски, другой задавал вопросы по-немецки. Я снова повторил, что я армянин, родился в Турции, в армию попал насильно, мечтал сдаться и служить делу освобождения России от большевиков, что было правдой. Я действительно ненавидел Советскую власть, которая разорила нас, отняв все, что нажил отец, еще до революции, но он меня научил тому, что я пошел в армию, вступил в партию, и мечтал о том времени, когда сменится власть. Надежда была на то, что большинство командиров Красной армии были выходцы из дворян, ненавидевших Сталина и мечтавших свергнуть его и власть большевиков. Но надежды рухнули, когда в 1936—1937 годах эти, благородные офицеры были арестованы, а затем, признав свою вину и подробно рассказав о своих планах по свержению строя, были расстреляны. Для меня это была трагедия, и я стал еще более усердно служить. Меня заметили и продвинули по службе, назначили командиром батареи, я стал капитаном, членом партии. Но тут война и мои надежды вновь ожили. Этого я, конечно, немцам не рассказал, но напирал на то, что хочу служить великой Германии.

Немцы выслушали мою исповедь, ничего не сказали, но меня отвели уже в другой барак, где сидели десятка два бойцов и командиров, которых я не знал, и которые со злобой смотрели друг на друга, не разговаривали, но все были побитые, с синяками, некоторые ранены.

Ближе к ночи нам принесли какой-то бурды, ложки были свои, и мы принялись хлебать. Поели, улеглись спать. Охрана была серьезная, да и бежать никто, по-моему, и не собирался.

Утром нас подняли и всех повели в западном направлении, шли весь день, и к вечеру пришли в деревню, где был оборудован лагерь для пленных. Всего было тысяч 5—6, место открытое, холодно, мы вымотались за переход и попадали там, где нам указали. Спать было невозможно, холодно и голодно, кое-как дожид до утра, утром дали по куску хлеба и какую-то похлебку и вызвали на допрос. Били грамотно, в перерывах между вопросом и ответом, было мучительно больно и обидно, я сдался, а бьют, как врага. Заставили подписать бумагу, подписал, не читая, так как не знал немецкого, да и почерк писаря был неразборчивый. Отвели в барак, это уже лучше, чем на земле, рядом угрюмые, неразговорчивые, грязные, злые люди. Прожил так несколько дней, не трогали, кормили кое-как, но все же не били. Вызвали ночью на допрос. В комнате сидели офицеры, стояли автоматчики, в углу стояли два бойца, избитые,

все в крови. Мне сказали, что Великой Германии нужны преданные люди и тебе предоставляется возможность доказать что все, что ты рассказал и подписал, правда. Тебе нужно убить тех, кто не хочет служить Рейху. Для этого мне дали пистолет и указали на одного из бойцов. «Убей его!» Я опешил, не сразу поняв, что от меня хотят. Но мне быстро объяснили по-русски – ты, сволочь, сейчас убьешь этого бойца или тебя убьет он. Я трясущимися руками взял оружие, лихорадочно соображая – или я его, или он меня. Как я выстрелил в человека, помню смутно, но он осел и свалился у моих ног. Пистолет забрали, меня потрепали по щекам и поставили в угол. Я видел, как убили и второго бойца, убивал такой же, как и я, пленный. Нас снимали на пленку, фотографировали вместе с немецкими офицерами, затем отвели в барак, где я дождался до утра. Спать не мог, руки тряслись, бил озноб, я с тревогой смотрел вокруг, здесь ли тот, кто видел, как я убил советского бойца. Его не было рядом, и я под утро задремал. Подняли рано и повели меня в штаб. Там сидели офицеры в какой-то черной форме и с непонятными знаками различия. Здесь же были какие-то люди в белых халатах. Мне намазали пальцы черной краской, откатали на бумагу, сфотографировали и отвели в барак.

Вечером вызвал офицер, представился капитаном Зумбольтом, дал закурить, я затаился, дрянь такая, не то что наша махорка, но промолчал, он спрашивает, где я родился, учился, где живут родственники, поговорили о планах моих – что я хотел бы делать, чтобы быть полезным Рейху? Я отвечал, что давно хотел перейти на их сторону. Просто не было возможности и желаю служить верой и правдой великой Германии. Он потрепал меня по щеке, а затем внезапно ударил прямо в лицо кулаком. Я упал, он подошел и ударил сапогом в живот. Меня скрючило от боли, я хватал воздух ртом, кровь шла из разбитого носа, болели ребра. Зумбольт поднял меня, усадил на табурет и сказал, что не верит ни одному моему слову. Меня заслали чекисты, и если я не признаюсь в этом, расстреляют.

Я ошеломленно соображал, что ответить. Вот это поворот, там свои расстреляют, тут тоже пуля. Наверное, у меня в глазах был написан страх, потому что Зумбольт налил воды дал мне выпить и продолжил – я должен доказать на деле, что готов служить Рейху. Ты пойдешь сейчас в барак к пленным и будешь смотреть, как они оценивают плен, кто лидеры, коммунисты, евреи, о чем говорят, что планируют и сообщать немедленно ему обо всех подозрительных. Тем более подписку о сотрудничестве ты уже подписал. Плохо будешь работать – расстреляем, хорошо – подумаем о твоей судьбе.

Меня доставили под конвоем в лагерь, где содержались пленные. Представили какому-то старшему по бараку и велели определить на работу с завтрашнего дня.

Утром после подъема меня привели на плац, поставили в строй, посчитали по головам и повернув направо повели на работу. Мы чистили территорию лагеря, копали ямы для умерших и казненных, ремонтировали ограждения лагеря, убирали в бараках. Так было каждый день. Вечерами измученные и голодные, собирались кучками и обсуждали, что же будет дальше. Я, помня наказ Зумбольта, все запоминал, кто что говорил, как реагировали пленные на содержание в лагере, кто лидер, нет ли евреев, коммунистов, не готовят ли побег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.